

ИЛЬЯ ТРЕВОЖНЫЙ

МЕДНЫЙ
АНГЕЛ

Повесть

Илья Тревожный Медный ангел

<https://litres.ru/74089119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пётр Андреевич Верейский возвращается в родовое имение после десяти лет отсутствия. У ворот его встречает странная девушка, которая просит защиты от мёртвого графа — человека, с которым Верейский двадцать лет назад заключил роковое пари.

В мезонине старого дома, в запертом сундуке, бьётся серебряное сердце. Оно отсчитывает последние дни Анны. И только Верейский носит ключ от механизма, способного убить — или подарить свободу.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Илья Тревожный

Медный ангел

Глава

Глава I.

Скука есть удел счастливых, ибо несчастные всегда при деле: они страдают. Сия истина, впрочем, не утешила Петра Андреевича Верейского, когда сырым октябрьским утром он подъезжал к собственному дому, коего не видал тому десять лет.

Дом сей, деревянный и приземистый, словно врос в чернозём N-ской губернии, глядел на мир с угрюмой покорностью. Два ряда тёмных окон, из коих половина была заколочена досками, напоминали глазницы черепа. Крыльцо покоилось, и перила, некогда выкрашенные белой краской, облупились до самого дерева, явив глазу серую, источенную временем и дождями поверхность. Дождь, мелкий и частый, размывал дорогу и остатки былых надежд, и старый кучер Архип, правивший тройкой, то и дело оборачивался к барину, словно желая спросить: да точно ли сюда, батюшка, не

обознались ли мы часом?

Но Вере́йский молчал. Он находился в том мрачном расположении духа, когда человеку равно неприятны и беседа, и молчание, и сама жизнь представляется длинным, утомительным путём без цели. Десять лет он провёл за границей — Италия, Франция, германские княжества, — но нигде не нашёл того, что искал, хотя и сам не мог бы определить, чего именно ищет. Теперь, когда здоровье оказалось подточено, а состояние расстроено, он возвращался в родовое гнездо с тем же чувством, с каким старый актёр возвращается на сцену, где ему давно уже не рукоплещут.

— Барин, барин! — закричал Архип, натягивая вожжи так резко, что лошади всхрапнули и встали как вкопанные. — Гляди-ка, у ворот кто-то стоит. Никак барышня, да только чудная какая-то... Ровно из камня высечена.

Вере́йский приподнял ворот шинели и выглянул из коляски. У покосившихся ворот, под голыми ветвями старых лип, и впрямь стояла женская фигура. Девушка была без шляпы, в лёгком платье, нимало не приспособленном для осенней сырости, и ветер играл прядями её волос, не встречая сопротивления. Но поразило Вере́йского не это, а совершенная неподвижность незнакомки. Она стояла, слегка откинув голову, и смотрела на облупившийся мезонин с выражением гордой и безнадежной печали. То был не живой человек, а изваяние, ангел, забытый на земле, — подумал Вере́йский. И сам удивился столь поэтическому сравнению, ибо никогда

не был склонен к сентиментальности.

Он вышел из коляски, чувствуя, как сапоги тотчас увязают в грязи. Подойдя ближе, он разглядел незнакомку: лет восемнадцати, не более, тонкие черты лица, высокий лоб, ресницы, бросающие тень на бледные щёки. Вся она была как рисунок пером — чёткая, строгая, лишённая красок, но оттого ещё более выразительная.

— Сударыня, — начал он, стараясь придать голосу учтивость, которую вовсе не ощущал в эту минуту. — Я хозяин сего печального имения. Не имею чести знать вас, однако же вид ваш смущает моё сердце. Позвольте узнать, кто вы и по какому случаю стоите под дождём у ворот моего дома?

Девушка медленно, словно преодолевая закон земного притяжения, перевела на него взгляд. Глаза её были ясны и бездонны, как небо в крещенский мороз, и в них светилось нечто такое, чего Верецкий не видел ни у одной из светских красавиц, с которыми сводила его судьба: ни кокетства, ни страха, ни надежды. Одна лишь спокойная, почти нечеловеческая откровенность.

— Я ждала вас, — сказала она тихо, но с твёрдостью, удивительной для столь юного существа. — Я — ваша соседка, Анна. О вас говорят, что вы человек чести. Мне нужна защита.

— Против кого? — спросил Верецкий, чувствуя, как привычный сплин уступает место живому, острому любопытству.

— Против мёртвого, — ответила Анна, не опуская глаз.
— Против того, кого вы, сударь, возможно, знавали. Против графа Б*.

Имя сие, хоть и выговоренное шёпотом, прогремело в сыром воздухе громче пистолетного выстрела. Граф Б., картёжник, бретёр и вольнодумец, тот самый, что был замешан в историю с похищением княжны Г*** и чья бурная жизнь оборвалась при загадочных обстоятельствах год назад на водах в Пятигорске... Так, по крайней мере, писали в газетах. Но Верейский знал графа иначе — и воспоминание это, дремавшее под спудом двадцати лет, теперь кольнуло его в самое сердце.

— Вы боитесь покойника? — переспросил он, думая, не повредилась ли барышня рассудком от уединения и чтения романов, коими зачитываются провинциальные девицы.

— Нет, — ответила Анна и впервые улыбнулась, и улыбка эта была печальнее слёз. — Я боюсь того, что он оставил после себя. Механизма, который всё ещё вращается и отсчитывает чью-то погибель. Он оставил письмо. И тайну. И вы, Пётр Андреич, — единственный, кому ведом ключ. Сами того не зная.

Верейский вздрогнул. Холодный ветер рванул полы его шинели, и в этом порыве ему почудился смех — далёкий, едва слышный, но несомненно насмешливый. Смех покойного графа.

— Хорошо, — сказал он, подавляя суеверный трепет. —

Идёмте в дом. Здесь не место для таких разговоров. Архип, распрягай. Мы остаёмся.

Анна оперлась на его руку, и Верейский снова заметил, до чего холодны её пальцы — холодны и тверды, как фарфор. Дверь дома отворилась с протяжным, жалобным скрипом, и они вместе переступили порог. Внутри пахло сыростью и запустением, но где-то в глубине, под лестницей, ведущей в мезонин, уже тикали часы — те самые, что молчали десять лет.

Глава II.

За десять лет до описываемых событий, а именно в памятную зиму 181* года, когда Петербург более напоминал ледяное царство, нежели столицу империи, судьба свела корнета Верейского с графом Б. в доме княгини Н., что на Английской набережной.

Княгиня держала открытый стол для офицеров, а более всего — для карточной игры, которая в ту пору была не забавой, а страстью, равной по силе разве что любви или честолюбию. Гостиная её, обитая голубым штофом и освещённая сотнею свечей, вмещала в себе весь цвет гвардейской молодёжи и несколько особ более зрелого возраста, привлечённых возможностью поправить состояние или, напротив, спустить его с тем особым шиком, который ценился в обществе превыше благоразумия.

Верейский был тогда молод, горяч и до крайности самонадеян, как и всякий, кто в двадцать лет уже носит эполеты, но ещё не нюхал пороху. Высокий, статный, с копною тёмных кудрей и румянцем во всю щёку, он являл собою тип блестящего гвардейца, которому сама природа назначила покорять сердца и делать долги. В тот вечер ему везло: он метал банк, и карта шла к нему с тем необъяснимым упорством, какое случаи называют счастьем, а математики — статистической аномалией.

Граф Б., напротив, казался существом иного мира. Ему было лет тридцать, но в бледном, тонком лице его, в медленных движениях и манере шуриться, словно рассматривая собеседника сквозь невидимое стёклышко, сквозила усталость веков. Он был невысок, сухощав, одет в чёрное, без единого украшения, кроме массивного перстня с печаткой в виде змеи, кусающей свой хвост. Он много путешествовал, знал математику, алхимию и, как шептались в гостиных, состоял в переписке с самим господином Месмером, знаменитым магнетизёром. Говорил он мало, но каждое слово его падало в разговор, как камень в воду: круги расходились долго, и ещё долго потом собеседники ломали голову над смыслом сказанного.

В тот вечер Верейский метал, а граф проигрывал. Он проигрывал с тем ледяным спокойствием, которое неприятно поражало окружающих: ни тени досады, ни проблеска волнения. Он лишь изредка постукивал по столу длинным паль-

цем да поправлял манжету, открывавшую бледное, почти прозрачное запястье. Проиграв уже около трёх тысяч, он и бровью не повёл.

— Вам сегодня не везёт, граф, — заметил кто-то из присутствующих с той неловкой весёлостью, какую принято утешать проигравшихся.

— Везение, — отвечал граф, не поднимая глаз от карт, — есть понятие, придуманное людьми, лишёнными способности к расчёту. Случая не существует. Есть лишь закономерности, коих мы ещё не постигли.

Верейский, подогретый шампанским и удачей, усмехнулся:

— Стало быть, вы и любовь, и ненависть, и сердце человеческое готовы рассчитать, как траекторию пушечного ядра?

В гостиной стало тихо. Все знали графа как человека опасного в споре, и неосторожный вопрос корнета мог обернуться ссорой. Но граф не вспыхнул. Он медленно поднял взгляд, и взгляд этот был странен: не гневный, не презрительный, а словно обращённый внутрь, в какую-то одному ему ведомую бездну.

— А вы полагаете, юный друг мой, что сердце ваше свободно? — спросил он тихо, но так, что гул в гостиной смолк, и даже слуги, разносившие вино, замерли у дверей. — Вы думаете, что чувства ваши — ваши собственные, а не суть производные от движения частиц? Что если бы я, к примеру, поместил в одну комнату вас и прелестную незнакомку, да

прибавил бы к тому особый ритм света, особый запах, особый, чуть слышный звон, — вы не влюбились бы в неё по моему велению?

Все засмеялись, находя слова графа забавным парадоксом. Один лишь Вере́йский вдруг ошетинился. Ему почудилось в словах этих посягательство на то, что он, при всём своём легкомыслии, полагал святыней: на свободу души.

— Вздор! — воскликнул он с жаром. — Никакой машиной, никакой выкладкой вы не принудите человека полюбить или возненавидеть. Душа — не маятник. И никакой ваш расчёт не заставит ангела плясать под вашу дудку.

Граф чуть улыбнулся, и улыбка эта была острее ножа.

— А вы готовы держать пари?

— Готов! — не задумываясь, отвечал корнет.

— Прекрасно, — граф отодвинул карты и встал. Все взгляды обратились к нему. — Пари заключается в следующем. Я берусь доказать, что могу управлять судьбой человеческой так же точно, как часовщик управляет ходом своих колёсиков. И в доказательство я создам механизм, который будет направлять чью-то жизнь, как стрелки направляют время. А вы, — он пристально посмотрел на Вере́йского, — станете его частью, сами того не ведая.

— И каков же будет заклад? — спросил Вере́йский, всё ещё улыбаясь.

— Закладом будет ваша вера, — спокойно отвечал граф.

— И ещё — покой. Тот покой, который даётся человеку

лишь однажды: когда он знает, что сам распоряжается своей судьбой.

С этими словами он снял с шеи тонкую серебряную цепочку, на которой висел маленький ключ с причудливой бородкой в виде змеи, кусающей свой хвост.

— Возьмите. Это на память о нашем споре. Когда-нибудь пригодится.

Верейский принял ключ, покрутил в пальцах и, сам не зная зачем, повесил на шею. Он не придал значения ни дару, ни словам, ни этому странному, почти нежному выражению, мелькнувшему в холодных глазах графа. Он выпил ещё бокал шампанского, рассмеялся какой-то шутке соседа и забыл о споре прежде, чем карета его выехала с Английской набережной. Жизнь понеслась своим чередом: служба, балы, дуэли, путешествия. Графа Б. он более не встречал, а слухи о его чудачествах доходили редко и казались досужими вымыслами.

Но теперь, двадцать лет спустя, стоя в тёмной передней собственного дома и чувствуя ледяную ладонь Анны в своей руке, Верейский вдруг с пугающей ясностью вспомнил тот вечер. Вспомнил каждую деталь: оплывшие свечи, разбросанные карты, запах пунша и этот странный, нечеловечески спокойный взгляд графа. Механизм, который управляет чужой судьбой. Он, Верейский, ставший частью его, сам того не ведая. Неужели адская машина уже двадцать лет работала в его собственной жизни, втайне от него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.